

С 2006 года, когда в России и, в частности, в Ставрополе, литературная, журналистская, издательская, театральная, библиотечная и научная общественность довольно широко отметили 125-ю годовщину со дня рождения русского писателя Ильи Дмитриевича Сургучёва (1881-1956), опубликовано, не побоюсь этого слова, огромное количество исследовательских работ о его жизни и творчестве, читателям возвращена наиболее ценная часть его литературного наследия.

Юбилей писателя стал поводом к активной исследовательской работе университетов и институтов Санкт-Петербурга и Москвы, Ставрополя и Саранска, Харькова и Йошкар-Олы, Ульяновска и Волгограда, Майкопа и Элисты, Института мировой литературы им. А.М. Горького... Неоценимый вклад в возвращение творческого наследия русского писателя внесли и продолжают вносить библиотечное и архивное сообщества России. Популярными в научной и краеведческой среде России стали «Сургучёвские чтения», которые проводятся ежегодно в Ставрополе – на родине писателя. И всякий раз они несут читателям новые факты о жизни и творческой деятельности Сургучёва.

На сцены театров Москвы, Нижнего Новгорода, Курска, Луганска, Ставрополя, Иркутска были возвращены спектакли по пьесам «Осенние скрипки», «Игра», принёсшие драматургу мировую славу. В городе Александрове Владимирской области состоялась премьера спектакля по повести Сургучёва «Чёрная тетрадь». Зрители нового поколения увидели фильмы, поставленные известными режиссёрами мирового кино по произведениям писателя «Человек, который сорвал банк в Монте-Карло» (1935), «Женщина опасного возраста» (1946).

На протяжении 1992-1997 годов популярные российские журналы «Бежин луг», «Роман-газета», «Слово», «Московский журнал», «Наука и жизнь», «Воспитание школьника» печатали

повесть И. Сургучёва «Детство Императора Николая II». Полюбившаяся читателям повесть о мальчишеской судьбе Владимира Оллонгрена и о его матери Александре Петровне Оллонгрэн – учительнице детей Александра III, – выходила в России не один раз и отдельным изданием, а в 2008 году в Санкт-Петербурге напечатана книга «Царская дружба», в которую вошли повесть И. Сургучёва «Детство Императора Николая II», исследование А.В. Дьяковой «Царская дружба» – о судьбах героев книги И.Д. Сургучёва «Детство Императора Николая II», очерк внучки писателя Т.Н. Ильинской «Что в имени тебе моём?»

Ранее, ещё в 1997 году, газета «Правда» напечатала фрагмент из пьесы Сургучёва «Вождь» под заголовком «За чахохбили». Произведения Сургучёва печатали «Независимая газета», «Гражданский мир».

К творческому наследию Сургучёва обращались и ставропольские издания. На страницах альманаха «Литературное Ставрополье» увидели свет повести «Чёрная тетрадь», «Мельница», «Ночь», известные ранее лишь зарубежному читателю. В альманахе напечатаны неизвестные широкому читателю рассказы Сургучёва. В сборниках «Сургучёвские чтения» опубликованы повести «Из дневника гимназиста», «Чёрная тетрадь», рассказы «Трёшница», «Письмо», «Бред», «Северный Кавказ», «Письмо Перикола», «Мессина», «Студенческие годы». В альманахе «Ставропольский хронограф» печатались рассказы «Китеж», «Дядя Митя». В 2007 году издан библиографический указатель «"Живописец души...": Русский писатель и драматург И.Д. Сургучёв», подготовленный к печати Ставропольским государственным университетом и Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой имени М.Ю. Лермонтова. Ранее, в 1983 году, в Ставропольском книжном издательстве тиражом 30 тысяч экземпляров напечатана повесть Сургучёва «Губернатор». А в 1987 году издательство «Современник» издало книгу «Губернатор», в которую вошли известная повесть, прочитанная и одобренная М. Горьким, и несколько рассказов писателя. В 2003 году «Ставропольская правда» познакомила читателей с находкой писателя и краеведа В.Н. Кравченко, напечатав с его комментарием неизвестный рассказ Сургучёва «Прихожане прелестной Мариэтты». В 2006 году «Кавказская здравница» опубликовала интервью с внучкой писателя Т.Н. Ильинской «Вспоминал с любовью...»

Издательство Ставропольского государственного университета опубликовало две очень значимые для отечественного литературоведения книги учёного, литературоведа А.А. Фокина «Илья Дмитриевич Сургучёв. Проблемы творчества» (2006) и «И.Д. Сургучёв – драматург» (2008). В этих работах Александр Алексеевич рассказал о писателе Сургучёве не только как о значительной личности русской литературы XX века, признанной русской критикой, но и о драматурге, признанном всей Европой, мировую известность которому принесли его пьесы «Осенние скрипки», «Реки вавилонские», «Письма с заграничными марками», романы «Ротонда», «Ночь». В 2015 году театральная общественность России отметила 100-летие со дня премьеры спектакля по пьесе И. Сургучёва «Осенние скрипки» в Московском Художественном театре. В 2018 году Россия отметит 120-летие начала литературной деятельности писателя И. Сургучёва, 120-летие первой публикации первых произведений писателя – рассказов «Трёшница», «Независимая жизнь», «Неудавшаяся жизнь», «Пятнадцать клеветов» и повести «Из дневника гимназиста».

И последняя новость: в январе 2017 года в Москве напечатаны первые четыре тома из собрания сочинений И. Сургучёва (составитель доктор

филологических наук А.А. Фокин). Имя Сургучёва известно в России давно, с 1898 года, а не два-три года, как пишут некоторые авторы.

Российские читатели по достоинству оценивают проделанную работу по возвращению в литературный, литературоведческий, исторический и научный оборот имени русского писателя, первоклассного мастера языка и стиля Ильи Дмитриевича Сургучёва, его творческого наследия.

Но, к сожалению, у Сургучёва есть сегодня и противники, которые призывают «сбросить Сургучёва с парохода современности», как когда-то в революционные годы футуристы и их сторонники говорили об Александре Сергеевиче Пушкине: «И мы со спокойным сердцем бросаем в революционный огонь его полное собрание сочинений, упоая на то, что если там есть крупинки золота, то они не сгорят в общем костре с хламом, а останутся».

Миф первый

За что же так не любят Сургучёва некоторые авторы? За то, что не принял революцию 1917 года и эмигрировал из России? Так её не приняли многие: по данным Лиги Наций в 1918–1921 годах из России выехали за рубеж 1,4 миллиона человек. Уехали от власти большевиков, от Гражданской войны и её последствий – от голода и разрухи.

Сургучёва не любят за то, что в 1919 году издал книгу-памфлет «Большевики в Ставрополе», рассказывающую о совершённых ими преступлениях с 1 января по 8 июля 1918 года в городе?

«Я никогда и никак не мог понять, как седовласые, длиннородые, солидные русские люди, которые прежде не резали, семь раз не отмерив, – теперь шли за мальчуганами, большей частью – выгнанными семинаристами, – шли, не рассуждая, слепо веря, – шли, грабили, убивали своих же братьев по крови, по вере, мучили их и издевались», – это отрывок из книги Сургучёва «Большевики в Ставрополе».

А вот это мнение доктора филологических наук А.А. Фокина: «Неприятие насилия в любой форме, неважно, с какой целью, как раз и стало причиной того, что по своей внутренней сути духовный, православный писатель, часто цитирующий Библию, не принял разрушительную революцию 1917 года и вынужден был покинуть страну».

Обращаю внимание на то, что никто и не опроверг Сургучёва: его книгу просто положили в спецхран на долгие годы. А документы Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, совершённых ими в 1918 году в Ставрополе, Пятигорске, станице Елизаветинской, опубликованы в книге «Красный террор в годы гражданской войны» (книга издана в Москве, в издательстве «Книговек» в 2013 году под ред. докторов исторических наук Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского) и доступны исследователям, читателям.

Но была и другая книга о злодеяниях большевиков, только совершённых ими в Крыму. Речь идёт о романе В.В. Вересаева «В тупике», который в Главлите рассматривали как контрреволюционный.

«Я кончил свой роман “В тупике”, – вспоминал В. Вересаев. – Он должен был печататься в альманахе “Недра”. Возможность прохождения романа сквозь цензуру вызывала большие опасения. Редактор издательства “Недра” Н.С. Ангарский имел какие-то служебные отношения к тогдашнему

заместителю председателя Совнаркома Л.Б. Каменеву. В декабре 1922 года Ангарский обратился к Каменеву с просьбой, нельзя ли было устроить у него чтение моего романа».

Каменев согласился. Чтение романа состоялось в Кремле 1 января 1923 года. На чтении присутствовали Каменев, Дзержинский, Сталин, Куйбышев, Сокольников, Курский. Присутствовал почти весь тогдашний Совнарком, без Ленина, Троцкого, Луначарского. На чтении были также Воронский, Д. Бедный, П.С. Коган, окулист профессор Авербах, музыканты Шор, Эрлих, Крейн, жена В. Вересаева М.Г. Смидович.

Обсуждение было довольно жёстким. Каменев говорил: «Удивительное дело, как современные беллетристы любят изображать действия ЧК. Почему они не изображают подвигов на фронте гражданской войны, строительства, а предпочитают лживые измышления о якобы зверствах ЧК».

После выступлений Д. Бедного, профессора П.С. Когана, И. Сталина своё слово сказал Ф.Э. Дзержинский, председатель ВЧК при Совете Народных Комиссаров РСФСР, председатель ГПУ (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. В своей речи он защитил Вересаева и его роман: «Вересаев – признанный бытописатель русской интеллигенции. И в этом новом своём романе он очень точно, правдиво и объективно рисует как ту интеллигенцию, которая пошла с нами, так и ту, которая пошла против нас. Что касается упрека в том, что он будто бы клеветает на ЧК, то, товарищи, между нами – то ли ещё бывало!»

После обсуждения романа в Кремле за ужином Вересаев оказался за столом рядом с Дзержинским. В разговоре с Дзержинским Вересаев напомнил, как вскоре после Перекопа красные, овладев Крымом, объявили, «что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба кончена, предоставляется белым выбор: кто хочет, может уехать из РСФСР, кто хочет, может остаться работать с Советской властью».

И «молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками», пришло на регистрацию, увидев в этом «выход к честной работе в родной стране». А потом, вспоминал Вересаев, «началась бессмысленная кровавая бойня: всех являвшихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулемётов».

В тот вечер, в Кремле, Вересаев спросил Дзержинского, для чего всё это было сделано, почему были уничтожены тысячи людей. Дзержинский ответил писателю: «Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они так используют эти полномочия».

Во главе этой расправы, писал Вересаев, стояла так называемая «пятак-овская тройка»: Пятаков, Землячка и Бела Кун. Когда Вересаев спросил Дзержинского: «Вы имеете в виду Пятакова?», тот ответил: «Нет, не Пятакова». Из этих неясных ответов председателя ГПУ (ОГПУ) Вересаев пришёл к заключению, что тот имел в виду Бела Куна.

Уже, в наше время, именно этот факт стал основой сценария фильма Никиты Михалкова «Солнечный удар». После регистрации белым офицерам разрешили подняться на палубу парохода. Он вышел в море. И когда крымский берег исчез за горизонтом, пароход взорвали и потопили вместе с людьми.

Жестокости войны, прежде всего, а не разногласия с большевиками, побуждали Сургучёва искать более прочное прибежище, нежели российское. Писатель покинул Россию, а не бежал с Врангелем, как пишут некоторые исследователи. Это был его личный выбор: возврат на родину в Ставрополь стоил бы ему и его семье жизни.

Миф второй

В течение десятилетий исследователи приписывают Сургучёву деяния, которых он никогда не совершал. Вслед за ними и современные авторы утверждают, что «Сургучёв И.Д. – эсер-боевик, комиссар Временного правительства 7-ой армии Юго-Западного фронта, делегат Всероссийского учредительного собрания». Утверждают, например, что сохранилось «Донесение комиссара 7-й армии Юго-Западного фронта Сургучёва» от 15 октября 1917 года, найденное в РГВИА, в фонде Кабинета военного министра. В нём данный Сургучёв (без имени и отчества, даже без инициалов) сообщает о положении в армии: «...безотрадная картина общего падения духа и дисциплины. Необходимы особые меры поднять армию, оградить от безответственных сил. Положение армии в настоящий момент чрезвычайно серьёзно. Нужны теперь смелые и сильные решения, за которыми должны последовать столь же решительные действия».

Здесь несколько ошибок, которые из года в год повторяют исследователи и таким образом вводят читателей в заблуждение. Автором этого донесения действительно значится Сургучёв (без указания имени-отчества). И он действительно комиссар Временного правительства 7-й армии Юго-Западного фронта.

Эта «ошибка» идёт от книги «История гражданской войны» (М., 1935. Т. I. С. 413). Авторы книги М. Горький, К. Ворошилов, В. Молотов. В именном указателе к 1-ому тому напечатано: «СУРГУЧЁВ И. Д. – эсер, комиссар Временного правительства в 7-й армии Юго-западного фронта – 413».

Но подлинным автором этого донесения является Дмитрий Павлович Сургучёв. Вот что известно о нём: «Сургучёв Дмитрий Павлович (1879, с. Мордово Камышинского у. Саратовской губ. – 27.12.1918, Уфа). Юго-Западный фронт. № 1 – эсер и Совет КД. Из мещан, сын почтового чиновника. Окончил Аткарскую гимназию. Служил письмоводителем. Поднадзорный с 1899, эсер-боевик. Арестован в 1906, был на каторге, затем ссыльнопоселенец в Верхоленском уезде. В 1914 бежал с места ссылки, перешёл на нелегальное положение. В 1917 комиссар 7-й армии. Член военной комиссии ЦК. Участник заседания УС 5 января. Делегат VIII Совета ПСР в мае 1918. Убит офицерами-колчаковцами (по версии М.В. Вишняка, расстрелян большевиками)».

Сведения о Д.П. Сургучёве приводятся по книге: Л.Г. Протасов. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., РОСПЭН, 2008.

А эта информация о Д.П. Сургучёве взята из Википедии: «Дмитрий Сургучёв появился на свет в 1879 году в селе Мордово Камышинского уезда (Саратовская губерния) в мещанской семье почтового чиновника Павла Сургучёва. Окончив Аткарскую гимназию, Дмитрий начал служить чиновником, занимающимся ведением канцелярских дел и делопроизводством (письмоводителем). Сургучёв оказался под полицейским надзором “царской охранки” в 1899 году. Он был членом Партии социалистов-революционеров (ПСР), в которой

входил в Боевую организацию (эсер-боевик). Дмитрий Сургучёв был арестован в 1906 году и осуждён на каторжные работы. Затем он стал ссыльнопоселенцем в Верховенском уезде. В 1914 году он бежал с места ссылки и перешёл на нелегальное положение. В 1917 году, после Февральской революции, Дмитрий Сургучёв стал комиссаром 7-ой армии (“Одесская армия”). Одновременно он был членом военной комиссии ЦК ПСР. В том же году Дмитрий Сургучёв был избран членом Всероссийского учредительного собрания от Юго-Западного фронта по списку № 1 – эсеры и Совет крестьянских депутатов. Дмитрий Павлович стал участником первого и последнего официального заседания Учредительного собрания 5 января 1918 года, на котором его делегаты были разогнаны большевиками. В мае 1918 года Сургучёв избрался делегатом VIII-го Совета ПСР. Он был убит в Уфе офицерами-колчаковцами или расстрелян большевиками (по версии М.В. Вишняка)».

Знал ли о существовании комиссара 7-й армии Юго-Западного фронта Д.П. Сургучёва драматург И.Д. Сургучёв? Оказывается, знал. Летом 1917 года, когда появился «двойник», выступавший от имени писателя в поддержку Февральской революции, И.Д. Сургучёв находился в Кисловодске.

«Летом 1917 года, сидя в Кисловодске, – вспоминал Илья Дмитриевич, – я неоднократно читал в телеграммах “Русского Слова”, что на фронте, тогда уже разваливавшимся, подвизается социалист-революционер, писатель И.Д. Сургучёв, выставивший, между прочим, свою кандидатуру в Учредительное собрание. Ясно было, что какой-то “деятель”, присвоил себе моё имя и оперирует им».

Как поступил в данной ситуации писатель И.Д. Сургучёв? Вместе с Ильёй Дмитриевичем в Кисловодске в те летние дни 1917 года находился известный на Ставрополье присяжный поверенный С.И. Манжос-Белый. А дальше послушаем рассказ Ильи Дмитриевича: «Во избежание всяких дальнейших осложнений я тогда же вместе со своим другом, пр<исяжным> по<веренным> С.И. Манжос-Белым, засвидетельствовал своё проживание в Кисловодске в тот именно период, который был обозначен в “Русском Слове” относительно моей работы на фронте».

Но, как писал автор очерка «Илья Сургучёв» Д.Д. Николаев из Института мировой литературы им. А.М. Горького, «слухи об эсеровских симпатиях Сургучёва оказались столь устойчивыми, что ему пришлось вновь опровергать их почти через двадцать лет, в феврале 1935 г.». Через восемнадцать лет после публикаций в «Русском Слове» Сургучёв писал: «На днях до меня дошли слухи, что и в эмиграции есть люди, которые, конечно, по неведению, смешивают меня с самозванцем. Пользуюсь случаем, чтобы ещё раз подтвердить, что никогда социалистом-революционером я не был, своей кандидатуры в Учредительное Собрание никогда не выставлял, и уехал с фронта в конце 1916 г.» «Письмо в редакцию» И.Д. Сургучёва опубликовано в газете «Возрождение» 12 февраля 1935 года, но, похоже, о нём знает узкий круг литературоведов.

Миф третий

Некоторыми авторами упорно распространяется ещё один миф о том, что в декабре 1942 года И.Д. Сургучёв, покинув оккупированный Париж, приезжал в оккупированный Ворошиловск (Ставрополь). Илья Дмитриевич не мог приехать в Ворошиловск по нескольким причинам: в военное время на такую

поездку требовалось особое разрешение немецких властей и документы. Сургучёв не был гражданином ни Российской Империи, ни Советского Союза, ни Французской Республики.

Вспомните «Нобелевские дни» И.А. Бунина. Писателя в те дни занимала мысль о том, какой флаг в честь него, лауреата Нобелевской премии по литературе, вывесит Шведская академия наук. Описывая зал «Музыкального Дома», в котором проходило торжество, Иван Алексеевич писал: «Надо всем этим торжественно-неподвижно свисают со стен полотнища шведского национального флага: обычно украшают эстраду флаги всех тех стран, к которым принадлежат лауреаты; но какой флаг имею лично я, эмигрант? Невозможность вывесить для меня флаг советский заставила организаторов торжества ограничиться ради меня одним – шведским. Благородная мысль!»

У Сургучёва, как и у Бунина, был лишь один документ, удостоверяющий его личность: нансеновский паспорт, по которому в те годы дальше оккупированного Парижа не уедешь. Во-вторых: на такую далёкую поездку нужны были большие деньги. А их у Сургучёва в то время уже не было. Спектакли по его пьесам на сценах европейских театров в годы войны не шли, книги не выходили, статьи не печатали и гонораров не было. Заработать физическим трудом, как Н.Я. Рошин землекопом, автор ещё одного «Парижского дневника», Сургучёв не мог. В 1942 году Сургучёву шел 62-й год, Рошину – 46-й. Немецкие власти не брали Сургучёва на работу ввиду его возраста. И у него оставался один способ заработать: продавать на парижском рынке «редкости» из своей книжной коллекции.

«Подсчитал свои капиталы и спел из Варлаама: “Плохо, сыне, плохо, христиане скупы стали, деньгу любят, деньгу прячут”. Банки закрыты, почты из Америки нет, хозяин “Возрождения” сбежал, никому не заплативши. Что же делать? Придётся продавать вещи, придётся заколоть несколько книг, но каких? Легко сказать, “продай книги”. Но как с ними расстаться и с чего начать? Легче уж, кажется, в гроб лечь. Или kota продать какой-нибудь ревматической старухе», – с улыбкой писал Сургучёв 15 июня 1940 года.

Тем не менее, некоторые авторы не исключают, что Сургучёв вполне мог побывать в оккупированном Ворошиловске (Ставрополе) в конце 1942 года с некоей немецкой делегацией во главе с немецким офицером и писателем Эрнстом Юнгером. Ссылаются на его дневник, приводят цитату из него, но не полностью, а так, вскользь, лишь два слова, и закавычивают: «прощупать настроения». На первый взгляд, похоже на правду. А вот о том, кто намеревался «прощупать настроения» и где, тоже ни слова. Но подводка сделана под русского писателя Сургучёва. И у читателей складывается впечатление, что пребывание Сургучёва в составе такой делегации было «и технически, и идеологически вполне возможным и даже вполне логичным». Расчёт верный: ушат грязи на Сургучёва вылит, а дневник Эрнста Юнгера никто не читал. О том, что он издан в России и доступен широкому кругу читателей, об этом авторы не говорят ни слова. Открываю дневник «Излучения» (издание 2002 г.; литературоведы считают его первым «Парижским дневником» военных лет), читаю записи, сделанные Эрнстом Юнгером за период с 24 октября по 31 декабря 1942 года. Как видно из дневника Эрнста Юнгера, с 24 октября по 10 ноября он находился в Кирххорсте, с 12 по 15 ноября – в Берлине, с 17 по 20 ноября – в Лётцене, 21 ноября – в Киеве, 22 ноября – в Сталино, а через час – в Ростове, 23 ноября – в Ростове, с 24 ноября по 8 декабря – в Ворошиловске. В дневнике нет ни слова о том, что Эрнст Юнгер возглавляет делегацию.

Напротив, он подчеркивает, что приехал в Ворошиловск один. В дневнике в основном бытовые детали: «...удалось раздобыть тарелку супа», «...до отхода поезда на Ворошиловск я спал на стойке буфета в зале ожидания», «...жил в здании ГПУ, выделяющемся колоссальными размерами, как всё, что имеет отношение к ведомству полиции и тюрем». В Ставрополе Эрнст Юнгер поднимался на колокольню, рассматривал цепь Кавказских гор, наблюдал Эльбрус, за обедом встречался с генерал-полковником фон Клейстом, сделал прививку от сыпного тифа, осмотрел зоологическую коллекцию в городском музее, видел русских пленных за работой, присутствовал при допросе русского военнопленного, наблюдал похороны, побывал на рынке, в Институте чумы узнал, что немецкая служба безопасности уничтожила восемьсот душевнобольных... В дневнике за 2 декабря 1942 года есть запись об этом преступлении: «Дыхание этого мира палачей столь ощутимо, что умирает всякое желание работать, писать и размышлять...»

Эрнст Юнгер называет в дневнике имена тех, с кем ему довелось встретиться в Ворошиловске (Ставрополе). Среди них немецкие офицеры, советские граждане, врач противочумного института, но нигде ни разу Эрнст Юнгер не вспомнил о том, что в поездке его сопровождал русский писатель-эмигрант, уроженец Ставрополя Илья Сургучёв.

А Илья Сургучёв находился в это время в оккупированном Париже: сохранились его дневниковые записи за 29 ноября и 19 декабря. Ни в дневнике Юнгера, ни в дневнике Сургучёва нет и таких слов: «прощупать настроения».

А когда читаешь измышления о том, что в дом по улице Ясеновской в декабре 1942 года приходил «молодой барин... Илья Дмитриевич, сынок Дмитрия Васильевича, старого барина. В меховой шубе и такой же шапке, с узорной палкой в руке...», то оторопь берет. Ни одной фотографии Сургучёва в таком наряде не попадается. Да и немолод был Илья Дмитриевич: ему в ту пору было почти 62 года (Сургучёв родился 28 февраля 1881 г. – *Н.Б.*).

Вскоре после нападения Германии на Советский Союз Илья Дмитриевич записал в дневнике 1 июля 1941 года: «Я поеду в Россию? Да никогда. Что я там буду делать? Все, кого любил, давно умерли или казнены. С отцовской могилы снята мраморная плита. Кругом – племя молодое, незнакомое и диковатое... Кто мне нужен и кому я, смешной человек, привидение старого мира, нужен? Нет, уж я как-нибудь в Парижске, в двенадцатом квартале, на кладбище со смешным названием “Тиз” (похоже на толстовское “тае”), неподалёку от Бориса Лазаревского: вместе грешили, вместе и лежать будем...» (Русский писатель Борис Александрович Лазаревский оставил после себя семитомное собрание сочинений, девять книг рассказов и шестьдесят дневниковых тетрадей, которые напоминают нам о неизвестных фактах биографии Бунина, Куприна, Сургучёва. Умер Лазаревский в Париже в 1936 году. – *Н.Б.*)

Переписка Сургучёва с родными оборвалась ещё в 1937-м. Из последних писем он знал, что дочь Клавдия вышла замуж за инженера Н.А. Ильинского, и что живёт она с мужем в Ростове-на-Дону. Вторая дочь Вера живёт в семье Ильинских. В Ставрополе никого из родных писателя не осталось.

И ни о каком сотрудничестве Сургучёва «с фашистской Германией... на более высоком уровне» речи быть не может ещё и потому, что Илья Дмитриевич не был вхож в столь высокие кабинеты руководителей рейха. Его, драматурга, постановщика спектаклей по своим, авторским, пьесам, в те дни занимала одна мысль: как помочь попавшим в беду коллегам по театральному цеху, как не умереть с голоду самому.

«Пришлось “объединяться”, – писал Сургучёв в дневнике 11 июля 1943 года. – В объединении сила. Так или иначе, худо или бедно, создалось объединение русских журналистов. Потом включили в него артистов. Устроили в зале Плейель великолепный концерт оперного хора по дешёвым ценам: пришли только родственники хористов. Десять тысяч убытка. Эмигрантская элита, работавшая у немцев на великолепных окладах, покупала билеты, выторговывая скидку. Прогорели».

Через газету «Новое слово», выходящую на русском языке в 1943 году в Берлине, Сургучёв, как он пишет, «крикнул SOS на всю эмиграцию, и тут случилось чудо: в шапку отзывчивые русаки живо набросали свыше 30000 франков. Спаслись. Не подошли с голоду. Даже подлечились».

Парижская эмиграция, подчёркивал Сургучёв, не дала ни гроша. Деньги присылали из Германии, Италии, Балканских стран, Финляндии.

Миф четвёртый

И ещё об одном порочащем Сургучёва мифе, муссируемым как в эмигрантской литературе, так и в российской: об аресте писателя. 3 августа 1945 года газета «Русские Новости» (выходила в Париже взамен газеты Милюкова «Последние новости». – Н.Б.) сообщала: «Ярый поклонник гитлеровской идеологии, человек, лично близкий к Жеребкову, Сургучёв был одним из столпов его газеты с первых же её номеров. (Юрий Жеребков при немецкой оккупации Парижа возглавлял Управление делами русской эмиграции во Франции и под вывеской этого ведомства издавал профашистскую газету “Парижский вестник”). В июле и августе 1942 года он опубликовал на страницах “Парижского вестника” ряд прогитлеровских и антирусских фельетонов под общим названием “Парижский дневник”. Позднее, сделавшись, очевидно, более осмотрительным, Сургучёв от писания подобных статей воздерживался, но продолжал деятельно работать в газете почти до самого её закрытия. Арестован Сургучёв именно за эти фельетоны, восхвалявшие немецких оккупантов и глубоко враждебные Франции. Его “досье” передано судебным властям, и процесс Сургучёва состоится в недалёком будущем. В ожидании его заключённый находится в тюрьме “Френ”».

Но повесить всех собак на Сургучёва, как и громкого процесса, которого так ждали противники писателя, не получилось. Из тюрьмы, точнее из следственного изолятора тюрьмы «Френ», узника вскоре тихо отпустили.

Чтение и литературоведческий анализ военной публицистики Сургучёва показывает, что современный читатель не найдёт в ней ни одного слова, где бы писатель поклонялся Гитлеру и его идеологии, восхвалял немецко-фашистский режим.

Почитаем, читатель, «Парижский дневник» вместе. Дневниковая запись за 17 июня 1940 года, сразу после падения Парижа:

«Цел ли ты, мой милый, единственный и неповторимый город Ставрополь-Кавказский? И при одном этом имени вырисовывается колокольня на горе, работы архитектора Воскресенского (пожалуй, поинтереснее даже работ самого Растрелли), старая гимназия и дом Извозщикова (его же) – и весь родной город, вся симфония детства и отрочества воскресают с ясностью волшебной и с волнительностью райской. Комбинация работ Воскресенского с бульваром, с фонтаном на Думской площади и свой собственный, обжитой,

обжуренный, как пенковая трубка, уголок по Первой Ясеновской начинают сладко петь:

– Как я от дома далеко!..

И эта любовь к дому, неистребимая, несмотря ни на какие Парижи, ни на какие Елисейские поля, прорывается в какой-то милой, но только мной, только моим сердцем рождённой мелодии, и я знаю: так начинается музыка. В сердце всякого человека стоит музыкальный ящичек. Всякий может вспомнить свой Ставрополь и, вспомнив, запоёт и, может быть, лучших слов для нас сейчас нет: “Как я от дома далеко!..” И каждый вспоминает, что даже свиньи в доме отца его ели лучше, чем он ест здесь, на Елисейских Полях».

В те дни, когда на глазах писателя произошло падение Парижа, он мечтал об одном: «...много дал бы, чтобы пройтись сейчас по Первой Ясеновской, чтобы прикоснуться губами к медной ручке отцовского дома, украдкой заглянуть в окно своей комнаты, сорвать листок с липы, которую когда-то лечил от царапин на коре... Как чеховскому актёру хотелось в Вязьму, так мне хочется в Ставрополь, на свою печку».

А эту запись Сургучёв сделал 5 августа 1942 года:

«Ворошиловск взят... В переводе на наш язык это значит: “Ставрополь взят...” И как неистребима, как упорна эта “Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам”!..

И как ни корми нас всякими изысканными Парижами, Виарридами и Трувиллями, мы всё равно до скончания веков наших, всегда, ныне и присно будем посматривать, как волки в лес, туда, где кривыми закоулками расположены наши Ясеновские, Хопёрские, Армянские, Станичные, Подгорненские улицы и переулки, Нижние Базары, Ярмарочные площади, Полковничьи Яры и всё то, что так близко к родному пепелищу и к холмикам отеческих гробов.

– На улицах, дом за домом, шли бои...

Это легко читать, а вот думать:

– А что же дома Розеньковых, Сургучёвых, Демьяновых, Афанасьевых, Первушинных, Пышненковых, Рубрилиных?.. Целы ли? Батюшка! Спаси и сохрани, дай перед концом взглянуть...

Ставрополь-Кавказский, 700 футов над уровнем моря, царь пшеницы, король винограда, великий герцог бесконечных тучных стад... Богач, лаццарони, творец песен и дерзких пословиц, кум всем королям, озарённый покровом Владычицы Казанской, которая, как святая Женевьева Парижская, день и ночь бодрствовала над распластавшимся у Ея подножья городом... И гнала от него трус, потоп, огонь, меч и междоусобную брань...»

И за такие гимны родному городу под арест? Вот что писал Сургучёв о своём аресте. Читаем дневниковую запись Ильи Дмитриевича за 16 мая 1945 года: «Наконец меня вызвали, и я поднялся с отчётливым чувством школьника, вызванного к экзаменационному столу. Привели к какому-то господину, сидевшему за столом. Господин коротко и неодобрительно взглянул на меня и пригласил сесть. Перед ним лежало досье».

«Господин» спросил Сургучёва, работал ли он «в такой-то газете». Речь, видимо, шла о «Парижском вестнике». И, получив утвердительный ответ, спросил, писал ли он «вот эту фразу»: «...и господин прочитал какую-то французскую фразу, в которой, несмотря на корявый перевод, я узнал себя». «А вот это вы писали?» – «Писал». – «А это?» – «И это писал».

«И господин как-то внутренне просветлел: он, очевидно, рассчитывал на отрицания, на отпирательство, а тут всё потекло, как по маслу.

Я почувствовал, что человек проникается ко мне симпатией. И вдруг он улыбнулся и совсем иначе посмотрел на меня, и мы, кажется, впервые увидели друг друга. Вокруг кипела странно напряжённая жизнь – иногда появлялись городовые в пелеринах и в кепках, и было какое-то неслияние масла и воды. Мы долго разговаривали, курили и вдруг его вызвали к телефону. Когда он ушёл, я приподнял кусочек бумаги и увидел, что она подписана известным русским врачом, который часто печатает в газетах объявления о своей лаборатории», – написал Сургучёв 16 мая 1945 года. И краска стыда залила ему лицо: «...это был донос невероятный, неожиданный, необъяснимый, дикопровинциальный, болезненный».

Сургучёв, в отличие от Георгия Иванова, Нины Берберовой и других писателей-эмигрантов, не стал оправдываться. Однако участи отверженного, обречённого на нищету в послевоенные годы, ему миновать не удалось. Насколько справедлива была кара? И насколько тяжка вина?

«Вся заграничная публицистика Сургучёва военной поры, – считает профессор, доктор филологических наук Александр Алексеевич Фокин, – пропитана идеей гуманизма: Европа в огне, под бомбами гибнут культурные ценности, без которых нет ни нравственности, ни морали, ни преемственности поколений. И в этом себе Илья Дмитриевич не изменил».

От себя добавлю: вся так называемая современная публицистика противников Сургучёва, признаться, похожа на донос, на тот самый, который был написан на него в мае 1945 года. Их авторы требуют доказательств, что Илья Дмитриевич Сургучёв был и остался патриотом своего родного города Ставрополя-Кавказского, был и остался патриотом России. А доказывать ничего не надо: надо просто читать очерки, рассказы, повести и романы Сургучёва, смотреть спектакли, поставленные по его пьесам, приходиться на Сургучёвские чтения, посещать книжные и фотографические выставки, посвящённые ему и его творчеству. И, я уверен, вы полюбите Илью Дмитриевича Сургучёва, замечательного русского писателя, о котором М. Горький писал: «Берегите Сургучёва второго, которому столь трудно жить и без людей, и с ними». Берегите Сургучёва!